

Опасность миновала

Алахчит Алтан Борджигин

Опытная врачевательница оттеснила Алахчит плечом, чтобы заняться раной Санджар-гуая. Она не стала вынимать стрелу, но под ее ладонями кровь скоро перестала течь, а окровавленный кусок дэгэла Алахчит выкинула и накрыла рану чистой белой тканью. Алахчит осталась сидеть в телеге вместе с ними, велела Тургэну, который прискакал вместе с подмогой обратно, позаботиться о лошадях и прислать затем кого-нибудь за телом нападавшего. О нем она сейчас думала в последнюю очередь, гораздо больше ее волновало здоровье ее нойона.

Путь до стоянки показался Алахчит бесконечно долгим, но зайчиха, пристально следившая за состоянием Санджара, выглядела спокойной и даже торжественно строгой, что на ее фоне Алахчит самой себе казалась маленькой испуганной девочкой, и она старалась держать себя в руках, хотя внутри все сжимал липкий противный страх. Она хотела только побыстрее добраться до стоянки.

- Останься снаружи, Великий Хан, - сказала ей зайчиха, когда, наконец, вернулись в ставку и остановились у гэра хана Хонгиратов, а Алахчит думала зайти внутрь вместе с остальными. - Глянь, ты вся в крови. Зайдешь, как мы закончим.

Алахчит не стала спорить - зайчиха была права, там она ничем не могла уже помочь. Да и ее дэгэл и руки были залиты кровью, а сама она не понимала врачевание. И была явно не в себе.

Ветер Перемен

Эрдэнэ узнала о случившемся, когда Тургэн только примчался в Орду. Она места себе не находила, дожидаясь, когда вернется Санджар. Никто ничего не знал толком, только что ранили. Сильно ранили, иначе сам бы доехал уже до дома. А как привезли, так снова толпа кругом собралась, и зайчиха знахарка разогнала из гэра всех, даже Алахчит-хаан. Та стояла вся в крови разорванном дэгэле, бледная и напуганная. Эрдэнэ подошла к ней, слушая, как переговаривались между собой и остальными те, кто ездил за Санджаром.

- Алахчит-хаан, - обратилась к девушке Эрдэнэ. - Пойдем, умоешься и переоденешься.

Как бы ни волновалась женщина за сына, она понимала, что будет лишь путаться под ногами у знахарей. А Великому хану негоже в таком виде на людях стоять. Все пугаются, нормально это, не все могут пугаться так, чтобы остальным видно было. Ханум проще, от ханум не так многое ждут. Эрдэнэ видела, что её и не замечали толком: одни помочь Санджару хотели, другие новости первыми узнать, чтобы другим рассказать, да свои пять минут внимания получить.

Когда Санджара унесли в его часть гэра, можно было пройти за занавеску, где был угол самой Эрдэнэ. В шатре лишних уже не было, только зайчиха с помощницами и кузен Санджара возились с ним.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит так бы дальше и стояла возле гэра, хотя в ней и зрело понимание, что нужно уйти к себе, переодеться в чистое платье, смыть с себя кровь, потому что здесь и без нее есть кому помочь. Она даже вздрогнула от неожиданности, когда к ней обратилась по имени матушка Санджара, которую Алахчит поначалу вообще не заметила. Ей нужно было ответить на вопросы, успокоить людей и раздать указания, только вот ей бы для начала самой успокоиться.

- Никому в одиночку ставку не покидать, - только велела она собравшимся вокруг, кто хотел знать подробности и прочие слухи. - Во всем разберемся позже, когда состояние Санджар-гуая перестанет вызывать опасение.

Она немного собралась с духом. Ей было страшно, но всем вокруг могло быть не менее страшно, а на Тургэне вообще лица не было. Алахчит решила, что потом нужно обязательно поблагодарить мальчика. Он уже показал все, на что был способен сегодня, и прошел самое главное испытание, к которому никто из них троих не оказался готов.

- Спасибо, матушка, - сказала она ханум, стараясь не прислушиваться к тому, что было за занавеской огораживающей мужскую часть гэра. - Я только дух переведу.

Ветер Перемен

Эрдэнэ отвела Алахчит-хаан в свою часть большого ханского гэра и принесла ей таз, кувшин с водой и полотенце, чтобы та могла умыться и вымыть руки. Санджар был за занавеской, отсюда не было ничего видно, но было слышно, что зайчиха-знахарка раздавала указания. И пару раз Эрдэнэ слышала, как не то рычал, не то стонал её сын. От этого было больно, но так она понимала, что он жив. Она открыла сундук и достала из него нижнюю рубаху из тонкого льна и вышитый дэгэл, которые носила, когда была намного моложе и стройнее. Берке был богат, она могла позволить себе хорошие наряды, которые не стыдно было предложить Алахчит-хаан, чтобы та переделалась.

- Переоденься, Алахчит-хаан, - сказала Эрдэнэ. - Тут тебя не увидят.

Она не задавала девушке вопросов. Знала, что ей обычно ничего не рассказывали, и надеялась только на то, что Санджар поправится, что зайчихи - опытные знахарки и справятся. Нет проклятья страшнее, чем пережить своих детей, Эрдэнэ надеялась, что не застанет подобного.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит снова повиновалась, испытывая стыд за то, что никак не может взять себя в руки, ведь это к ней люди должны приходить за поддержкой, она - Великий Хан, а сейчас она совсем не хан, а испуганная девчонка. Что матушка Эрдэнэ спокойна, насколько можно быть спокойной ей сейчас, а она, Алахчит-хаан, сжимает в руках ткань своего измазанного его, Санджар-гуая, кровью дэгэла.

Она поблагодарила за воду и чистое платье, заметив, что оно было из хорошей ткани, с вышивкой. Свой собственный она сняла и сложила багровыми пятнами

внутри, чтобы их было не видно. Можно бы было постирать и починить, но Алахчит не хотелось больше видеть этот дэгэл, лучше сразу выкинуть.

Погрузив руки в воду и наблюдая за тем, как она окрашивается в розовый цвет, Алахчит дрожала уже меньше, хотя ей хорошо было слышно, как зайчиха раздаёт указания за плотной занавеской. Хотела бы она сказать, что волнуется за Санджара как за всего лишь одного из своих нойонов, но врать самой себе получалось уже не так ловко, как раньше. Алахчит вытерла руки полотенцем и оделась.

- Прости, матушка, что тебя еще заботами обременила, - повинилась она. Он бросился ее закрыть от стрелы. - Надо было мне сразу к себе отправляться.

Ветер Перемен

- Тебе спасибо, Алахчит-хаан, - ответила Эрдэнэ. - Что мне есть чем себя занять, пока ничем ему помочь не могу. И за то, что ты помогла ему, я же вижу, что ты вся в его крови.

Страшно подумать, сколько крови он пролил, сколько её осталось в степи, здесь, на одежде и руках Алахчит, в телеге, что его везла. Он был крупным и сильным, настоящим богатырем, но не бессмертным.

- Посиди, отдохни. Сейчас они поработают, и я чаю сделаю. На тебе лица нет, Алахчит-хаан, придешь в себя и пойдешь.

Эрдэнэ не знала, что именно случилось в степи, говорили разное, а один слух превращался в десять разных сплетен. Санджар был влюблен в Алахчит, а что она к нему чувствовала, то одному небу известно было. Великий Хан, небось такие не сами себе женихов выбирают, а за кого выгодно замуж идти для Орды. Эрдэнэ не лезла в это. Не советовала ничего сыну, не решилась бы обсуждать с самой Алахчит.

Алахчит Алтан Борджигин

- Он меня от стрелы собой закрыл, - призналась Алахчит. Она не слышала, о чем судачили люди снаружи, как-то не до того ей было. Санджар-гуай был прав, то маки затуманили ей разум, потому она потеряла всякую осторожность и бдительность, позволила себе слабость побыть простой девчонкой, а не Ханом, и поплатилась за беспечность угрозой жизни одного из своих нойонов. Или уже не просто нойона, но друга? Или даже кого-то большего, чем друга?

- Как я могла не помочь ему? Не уберегла его, сама в степь позвала утром, посмотреть, как мальчишка с конем управляется, да забылась, что в степи неспокойно.

Алахчит села на одну из подушек возле низкого столика в женской части гэра. Сейчас она винила себя в том, что Санджар был ранен из-за нее. Если бы не пришло ей в голову сегодня поехать в степь, был бы он в безопасности. Да и могла бы взять с собой больше людей для пущей безопасности, знала ведь, что в степи опасно сейчас. Или все же надеялась побыть с ним хоть немного наедине, но на такой комфортной и безопасной для нее дистанции, чтобы это не вызвало сплетен и

слухов?

Ветер Перемен

- Он твой нойон, и поступил, как должно, - сказала Эрдэнэ, которую поразило это признание Алахчит-хаан. - Не ты в него стреляла. И не мальчик он, сам знает, куда ему ехать, и как следить за безопасностью. Не вини себя, Алахчит-хаан.

Женщина подошла к очагу и подбросила в него дров, затем поставила вариться чай. Крепкий, с мукой и маслом, который возвращал силы и позволял собраться с мыслями. И за возней было проще унять волнение. Чай приятно пах, наполняя гэр теплым ароматом. Эрдэнэ разлила напиток в две чаши, и одну из них подала девушке.

- Помогут ему, зайчихи умные, умеют знахарками быть, - женщина села на подушки напротив, взяв вторую чашку.

Она чутко прислушивалась к тому, что происходило за занавеской и очень боялась. Но ей казалось, что пока она говорит все это Алахчит-хаан, она чувствует себя увереннее. И не так трясутся руки, когда она обхватывает ими горячую чашку.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит успокаивала себя тем, что любой нойон на его бы месте поступил бы так же, постарался закрыть собой, но она была вынуждена признаться самой себе, что ее положение среди других ханов не настолько твердое, как ей хотелось бы думать. И что не все бы были рады закрыть ее собой от вражеской стрелы. Ее не покидали мысли о том, где кончается преданность Санджар-гуая как нойона и начинается его влюбленность как Лиса.

Кем был нападавший, кто его прислал? Или просто разбойник, каких много в степи, грабят караваны и обозы? Подобен тем, кто напал на нее в прошлый раз. Ведь знала, что не стоит выезжать втроем в степь, и все равно поехала, глупая пигалица, как сказал бы сейчас дядька Оронар.

Алахчит приняла пиалу двумя руками, как положено, и сразу коснулась губам горячего ароматного напитка. А с мужской половины все еще доносились разговоры зайчихи с помощниками, да стоны раненого. Хорошо, что зайчихи согласились помочь и обучить лис искусству врачевания, без них скорее всего Санджар-гуай не доехал даже до стоянки. Слишком хорошо все еще представлялось, каким бледным было его лицо и каким огромным казалось багровое пятно на его синем дэгэле.

- Хорошо бы и у нас были такие лекари сильные, - заметила она.

Ветер Перемен

- Научатся, - ответила Эрдэнэ. - Хорошо, что есть кому учить.

Она притихла и прислушивалась. Будто сжалась вся, держа свою пиалу двумя руками. Ей было страшно, но кого это волновало. Ей положено было что-то делать, она и старалась придумать, чем заняться. Хорошо, что гостя важная тут была,

вроде и при деле, можно разговор вести. А хотелось задать вопросы не те, что вежливые, а те, что беспокоили.

- Сильно он ранен, Алахчит-хаан? - все же спросила женщина, подняв глаза на девушку.

Алахчит была рядом с Санджаром все это время, кто, как не она, знала правду. И могла понять, что вопрос Эрдэнэ - не праздное любопытство. А то, что беспокоило её больше всего в этот момент. До дрожи, которую было сложно удержать в руках, когда пальцы сжимают чашку с горячим чаем. Она боялась за Санджара. Гордилась им всегда, тем, что он был сильным, умным, стал хорошим ханом для своего племени, хоть и одни лошади на уме.

Алахчит Алтан Борджигин

Было кому учить, но быстрее, чем идет обучение, все равно не научишь. А когда в стоянке спокойно, то и учить нечему, царапины и синяки проходят быстрее, чем доходят до лекарей. С одной стороны, будет лекарям лис практика, а с другой - Алахчит одернула себя - уж лучше медленно, чем вот так, как сейчас, чтобы до дрожи в пальцах страшно было.

Она посмотрела на хинум, когда та задала свой волнующий ее вопрос. А он ведь был ее единственным сыном. Каково ей сейчас сидеть вот здесь, так близко, и знать, что за ширмой борются со смертью за жизнь? Пусть опытные, пусть знающие и сильные, но ведь не боги.

- Сильно, матушка, - честно сказала Алахчит. - В плечо попали, а на нем дэгэл был обычный, не защитил совсем.

Алахчит не умела врачевать, но такое понимают все, кто привык выживать в степи и кому приходилось быть в боях. Как и то, что обычный дэгэл и рубаха под ним не защитят от металлической зазубренной стрелы.

- Но Навчин-ханум справится. Она спокойная-спокойная была, как его увидела, значит, нет повода бояться, - как можно увереннее добавила Алахчит, успокаивая то ли мать Санджара, то ли все-таки саму себя. Вот бы ей тоже такое спокойствие, но откуда ж его взять. Алахчит порывистая, быстрая, яркая, все время надо куда-то бежать и что-то делать. Потому и сидеть невыносимо.

Ветер Перемен

Эрдэнэ покачала головой. Боялась она за Санджара. Он затих, и сейчас ей стало страшнее, пока она прислушивалась к тому, что происходило за занавеской. А выглядывать было себя позорить и людей отвлекать.

- Справится, раз спокойная была, - согласилась Эрдэнэ, стараясь вновь унять волнение. Она отпила горячий чай.

Голоса стихли, а вскоре за занавеску заглянула знахарка. Она выглядела деловито, как обычно, значит и новости не плохие принесла, хотя Эрдэнэ все равно боялась. Будто она сама зайцем была, а не лисицей.

- Санджар-гуаю отдохнуть надо, он спит, - сказала знахарка. - Мы пойдем, я оставлю с ним Заиру, чтобы присмотрела. Если жар поднимется - зовите меня, но пока бояться нечего.

- Спасибо тебе, Навчин, - ответила Эрдэнэ, поднимаясь из-за стола. - К нему можно подойти?

Она не хотела говорить при Алахчит-хаан об оплате, но планировала послать женщине щедрые дары.

- Да, можете идти к нему, но он спит, - ответила знахарка.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит помолчала, сжимая в ладонях чашку с густым чаем, потому что не знала, что еще можно сказать. Она волновалась, волновалась и мать Санджара, но Алахчит казалось, что они и так хорошо понимают друг друга, а потому могут просто молчать, переглядываясь изредка, да каждая прятаться в свою чайную пиалу. Свою мать она помнила не так хорошо, лишь что-то самое запоминающееся, как от нее пахло травами, как любила она зажигать ароматные свечи в гэре, как наряжалась каждое утро специально для отца. Любила кораллы и жемчуг - и все это до сих пор хранится в шкатулке Алахчит вместе с другими украшениями. А вот голос ее Алахчит почти не помнила. Наверное, очень похож на голос Эрдэнэ-ханум.

Вскоре из-за занавески показалась зайчиха со своими помощниками, и Алахчит сдержалась, чтобы не вытянуть шею по-девчачьи, чтобы помимо знахарки увидеть, что с Санджар-гуаем. Заира была одной из тех, кто приехал из клана зайцев вместе со своей опытной наставницей, но Алахчит с ней едва ли раньше перекинулась хоть парой слов.

- Спасибо, Навчин-ханум, - тоже поблагодарила Алахчит. - Я сообщу эти хорошие новости остальным.

Но сначала она хотела сама увидеть нойона и убедиться, что ему лучше, даром что он спал. Он был бледен и до плеч укрыт одеялом, но был виден край чистых бинтов на том месте, где была рана. Алахчит не стала подходить ближе, позволив сделать это его матери, но у нее отлегло от сердца. Все будет в порядке.

Ветер Перемен

Эрдэнэ подошла к Санджару, который был бледен, но, похоже, просто спал. Она подошла к его постели, поправила одеяло и подушку, чтобы ему было удобнее, провела рукой по его волосам, которые сейчас были лохматыми и грязными, от где-то запекшейся крови.

- Напугал ты меня, спи, - сказала женщина, затем пошла собирать лежавшие на полу грязные тряпки и одежду. Потому что спокойнее, когда чем-то занимаешься. - Я отнесу в стирку, Алахчит-хаан, - сказала Эрдэнэ, кивнув на собранное ею белье.

Кровь замочить сразу нужно, а то не отстирать уже. А дэгэл стоило починить,

Санджару он шел очень, ему вообще темно-синий цвет шел. Так он выглядел взрослее и серьезнее. Заира поспешила помочь Эрдэнэ, но женщина отказалась от этой помощи, сказала, что той лучше присматривать за тем, чтобы Санджару не стало хуже. Очень уж он бледный был.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит хотела бы подойти ближе, но должна была держать лицо перед зайчихой и матерью Санджара, поэтому осталась на своем месте, наблюдая за ним лишь издали, как и подобало бы Великому Хану и женщине, что не являлась знахаркой. Она здесь лишь для того, чтобы убедиться, что с ее нойоном, который закрыл ее от стрелы, все нормально, но нельзя было надолго здесь задерживаться. Тем более, что его мать покинула гэр, собрав окровавленную одежду.

Она присмотрелась к зайчихе. Ладная, сочная, кровь с молоком, а глазищи огромные-огромные и темные, как ночь, как и волосы, сплетенные в две длинные толстые косы, переброшенные через покатые плечи. Она хлопотала вокруг, доделывая мелочи - готовя глубокую миску с теплой водой, чтобы стереть остатки засохшей крови, а Алахчит чувствовала себя странно, стоя вот здесь и глядя на все это.

- Если что нужно будет Санджар-гуаю или его матери, - сразу мне говори, - велела она девушке, чтобы хоть как-то напомнить о себе. - Коли сама не сможешь прийти, пришлешь одного из мальчишек, что тут вокруг бегают.

- Хорошо, Великий Хан, - смирно ответила Заира и начала стирать кровь с раненого плеча мужчины. Алахчит следила за ней с пристальностью охотящегося коршуна, и поняла это только когда Заира вопросительно на нее взглянула. Алахчит расправила плечи, стараясь сделать вид, что все в порядке.

- Ну а мне идти нужно, - с достоинством добавила она, пытаясь не думать о том, что оставляет Заиру здесь наедине с Санджаром. Нет, все же мак определенно дурманит разум.
